

У нас в гостях - европейские социологи

Продолжаем публикацию материалов социологов Восточной Европы, представляющих итоги десятилетней трансформации общественной системы в данных государствах. В настоящем номере представлены социологи Польши, в предыдущем (№ 5) опубликованы исследования ученых Германии и Венгрии.

© 2002 г.

Х. ДОМАНЬСКИЙ

ПОЯВЛЕНИЕ В ПОЛЬШЕ МЕРИТОКРАТИИ

ДОМАНЬСКИЙ Хенрик - профессор, директор Института философии и социологии Польской Академии наук (ИФ и С ПАН, Варшава).

Социальную стратификацию отличает преемственность во времени. Ее контуры и механизмы в целом известны, что позволяет подробно их анализировать при возникновении особых обстоятельств. Первые симптомы значительных перемен проявились в начале 90-х, во время, которое М. Циолковский [44] назвал "медовым месяцем" перехода к рыночному обществу. Стало быстро расти неравенство доходов. Затем перемены оказались еще сложнее. Анализ показывает важные формы, по-видимому, выражения логики рыночной экономики. Я попытаюсь подтвердить это, проведя кросс-временной анализ данных за 1982-99 гг.

Первый аспект перемен касается межпоколенной мобильности. По распространенному и обоснованному мнению уровень межпоколенных переходов - наиболее синтетичная черта открытости социальной структуры. Трудно что-то добавить к теоретическому обоснованию этого тезиса Сорокиным и Парето. Согласно классикам, настоящие социальные перевороты вызываются расколом старых политических элит - их замещают представители новой власти. Смена политических элит посткоммунистической Польши - эмпирический факт, подтвержденный результатами исследований [17, 41]. Я пытаюсь ответить на более общий вопрос, легче ли детям рабочих и крестьян при новом капиталистическом строе попасть на самые высокие профессиональные позиции, занятые интеллигенцией, или путь вверх был более открытым при коммунистах, оправдывавших его наличие эгалитарной идеологией?

Вторая гипотеза представляется более реалистичной. Реформы, начатые с конца 1940-х коммунистическими властями, породили коллективную восходящую социальную мобильность рабочих и крестьян. Беспрецедентный размах трансформаций социальной структуры трудно повторить. Результаты кросс-национальных сопоставлений коммунистической Польши с капиталистическими странами Запада показали, что в 1970-е годы социальное происхождение слабее влияло на профессиональную позицию

индивидов в Польше, чем в Австрии, Японии или США [см.: 28, 34, 35]. Конечно, авторитаризм коммунистического режима породил большие ожидания равенства возможностей, которые массы связывали со свободным рынком и политической демократией. И эти ожидания, в плане открытия социальных барьеров, приходилось сдерживать.

Предположительно следовало ждать более заметного снижения влияния социального происхождения на образовательные возможности. Хорошо известно, что - в среднем - во всех странах люди со временем становятся все образованнее. По данным компаративных исследований, образовательные неравенства оказались во времени очень устойчивы к переменам [38]. Однако можно полагать, что перед лицом системных трансформаций такие аксиомы менее значимы. Я пытаюсь ответить на этот вопрос применительно к Польше во второй части работы.

Третий вопрос исследования, - воздействие образования на профессиональный статус. Мы не знаем, как эта корреляция вела себя последние годы. Командная экономика пыталась установить прямую связь между образованием и рынком труда, что вело к относительно высокой корреляции между годами учебы и профессиональным статусом в Польше [30, 34]. Тем не менее, рациональность капиталистического рынка также может создать сильную связь образования и профессионального положения. Нужно изучить, уменьшается ли во время перехода к рыночной экономике "распределительная" сила образования, остается неизменной или растет?

Лучше исследовано распределение доходов. Уже в начале 1990-х было показано, что образование делается более сильной детерминантой личных доходов в сравнении с относительно малой силой при коммунистах. Общее воздействие образования на доходы сохранилось в последующие годы, университетский диплом становился все более престижным [10]. Рост зависимости денежных поступлений от высшего образования - самый приметный символ смены систем. Механизмы распределения четко реагировали на становление капиталистической экономики.

Что это значит для социологии? Рисунок на обложке первого издания книги "Приход постиндустриального общества" Д. Белла изображал стену с надписью мелом "Знание правит. Окей" - лозунг общества, где властвуют мастерство и знания (меритократия). Согласно меритократической идеологии людей вознаграждают по их заслугам, а меритократические правила распределения оптимизируют использование способностей, мотивируют эффективный труд и отвечают ожиданиям людьми "справедливого" вознаграждения, содействуя снятию социальных напряжений и конфликтов.

Подчеркну, что в 1982 г. чистые ассигнования на университеты Польши были на 14% выше средних показателей по стране. В 1992 они поднялись до 36%, и сила этой связи сохранилась во второй половине 1990-х гг. Читатель ознакомится с деталями этого процесса, столь удивительного линейным ростом во времени. Добавлю, что в 90-е годы роль образования росла независимо от пола, возраста, сектора экономики. Обе тенденции, видимо, отражают реальные прорывы в воздействии "человеческого" и "организационного" капитала на дифференциацию доходов.

Как можно ожидать, меритократия улучшает экономическое положение менеджеров и специалистов. Я покажу, что такой поворот действительно произошел. Эти две категории, аналог которых в Польше - интеллигенция, поднялись в иерархии доходов в первой половине 1990-х и сохранили высокое положение до 1999 г. Странно, но хозяева фирм, испытав взлеты и падения, оказались в известной мере в худшем положении. В целом, на первом этапе появления рыночного общества "экономический" капитал уступил путь капиталу специального знания и экспертизы профессионалов.

Решающий вывод таков - по данным социологии люди готовы мириться с неравенствами, которые считают справедливыми. Они скорее одобряют краеугольный камень западного либерализма - равные возможности и меритократия. Общество стало более экономически стратифицированным и меритократичным. Но выравнивания возможностей в 1990-е гг. не случилось.

Перемены в профессиональной структуре, 1987-1999

Наследование социальной позиции - важнейшее звено воспроизводства системы стратификации. Сыновья рабочих скорее заканчивают среднюю профессиональную школу и становятся рабочими. Фермы передаются сыновьям крестьян. Интеллигенция передает детям культурный и интеллектуальный капитал. Механизмы такого рода закрепляют социальную дистанцию. Подорвать межпоколенную передачу социального статуса могут перемены в структуре профессий. Быстрое развитие частного сектора и услуг в 1990-е гг. привело к появлению новых профессиональных ролей: вырос "банк" позиций, которые нужно заполнить амбициозными и подготовленными индивидами. Их надо сосчитать, прежде чем анализировать модели динамики мобильности (таблица 1)^a.

Таблица 1 показывает перемены в распределении профессий по 14 основным социо-профессиональным стратам. Где появились новые профессиональные роли? Теоретические аргументы указывают, что в высших органах контроля и среди профессионалов, которых мы здесь называем нетехнической и технической интеллигенцией (инженеры) и менеджерами. Недавно П. Друкер [14] подтвердил прежние аргументы теории модернизации о том, что потребности экономического развития рождают мощный спрос на высоко квалифицированных специалистов сферы нефизического труда. В то же время, относительно простые рутинные и менее сложные виды работ заменяются позициями профессионалов и управленцев или исчезают. По Беллу [3] численный рост профессионалов и технических специалистов - "наиболее удивительная" черта постиндустриального общества. Ведущие сторонники теории модернизации (по обзору Друкера) не ждали роста числа мелких и средних владельцев. Так, Гэлбрайт [15] и Белл [3] сосредоточили анализ на крупных корпорациях и "техноструктуре" и игнорировали малые фирмы как противоречащие социально-экономическому росту. Действительно, в большинстве западных стран доля собственников в социально-профессиональной структуре перестала расти, не превышая 15% рабочей силы [2].

Помня эти предсказания, посмотрим на перемены в Польше. В 1990-е гг. численно росла лишь нетехническая интеллигенция - адвокаты, врачи, ученые, преподаватели вузов, экономисты, журналисты, артисты и т.п. С другой стороны, процент управленцев, инженеров уменьшался. Их явно не назовешь самой динамичной частью профессиональной структуры общества. Важен, однако, более общий смысл этой неожиданной тенденции. Анализ данных кросс-национальных исследований показал, что и в других странах Центральной и Восточной Европы категории профессионалов и менеджеров относительно уменьшались [12, p. 17-20].

Возможны несколько интерпретаций этой тенденции. Есть аналогии, сходства с "компрадорской" латиноамериканской моделью [см.: 22, s. 12]. Этот пессимистический вариант предполагает стагнацию посткоммунистической экономики. По более оптимистической гипотезе относительное уменьшение отражает лишь некий переходный регресс, связанный с меньшим спросом на управленческий и высококвалифицированный технический персонал традиционных секторов производства. Вероятно, обе эти категории стали избыточными. Возникший капиталистический рынок не поглотил избытки рабочей силы, созданной прежней экстенсивной экономикой.

Ядро динамики социо-профессиональной структуры - категория собственников. Процент частных предпринимателей вырос в четыре раза, достигнув в 1998-1999 гг. 6,6%. Этот относительный рост, заметный уже в конце 1980-х, набрал темп после начала рыночных реформ, бросив вызов теории модернизации. Второй быстро росший социо-профессиональный слой - работники сферы услуг и торговли. Их доля в общей рабочей силе выросла с 6,4 до 10,3%. Квалифицированные рабочие остались самым крупным сегментом занятости Польши. В 1998-1999 гг. квалифицированные работники составляли 24,8%, явно преобладая численно. На втором месте - владельцы ферм, несмотря на тенденцию сокращения. Заметим, что в этом случае перелом

* В конце статьи приведены комментарии автора к аппарату таблиц.

Перемены в социо-профессиональной структуре в Польше (в %)

Профессиональные категории	1982	1987	1994-1995	1998-1999
Менеджеры, высшие госслужащие	0,9	1,8	1,6	1,0
Не техническая интеллигенция	3,2	3,3	3,2	4,5
Техническая интеллигенция	3,1	2,6	2,7	2,4
Техники	7,0	6,2	4,6	6,0
Административный персонал среднего уровня	9,6	10,7	9,5	11,2
Клерки	5,0	4,6	3,9	3,5
Собственники	1,6	3,6	6,2	6,6
Запятые в торговле и услугах	6,4	7,7	10,6	10,3
Контролеры ручного труда	2,1	2,3	1,8	1,9
Квалифицированные рабочие	20,7	26,3	27,4	24,8
Неквалифицированные рабочие на производстве	5,8	5,7	7,0	7,2
Неквалифицированные рабочие сферы услуг	4,3	3,9	6,0	6,4
Сельхозработчие	1,8	1,5	2,0	2,1
Фермеры	23,5	19,8	13,4	12,2
ИТОГО	100,0	100,0	100,0	100,0

Примечание: Данные взяты из национальных исследований, проведенных по случайной выборке в 1982—1999 гг. с аналогичным инструментарием (подробности в *Приложении*). Все сравнения за 1982-99 гг. ограничены диапазоном возрастов в 21-65 лет, что требовалось для сопоставимости: исследование 1987 г. имело эти ограничения возраста. Два технических замечания. 1. Поскольку исследования 1994-99 гг. поводились по относительно малым выборкам, анализ за этот период для повышения надежности сделан на слитых массивах данных - двух последовательных изданий Всепольского исследования 1994 и 1995 гг. Так же за 1998 и 1999 г. я слил данные исследований, проведенных Институтом философии и социологии Польской академии наук. 2. Имели место возрастные ограничения.

наступил в первые годы рыночной экономики, когда доля польских крестьян уменьшилась с 23,5 до 12,2%. Третья по величине профессиональная группа включает управленцев и работников нефизического труда: бухгалтеры, медсестры, менеджеры нижнего уровня, - составивших до 9-11% за весь период - при некоторой тенденции роста. Клерки, считающиеся дном сегмента нефизического труда (то есть делопроизводители, кассиры в банках, секретари, стенографистки) в 90-е годы уменьшились до 3,5%. О категории 'техники' можно сказать, что они подверглись большим колебаниям, но не столь сильным, чтобы заметно влиять на иерархию профессий. Интересно: неквалифицированные рабочие на производстве и в секторе услуг, обреченные по теории модернизации на смерть, за 1990-е годы незначительно, но стабильно росли.

Несомненно, переход к рыночной системе должен был менять общие тренды модернизации социо-профессиональной структуры. В "Новом индустриальном государстве" Дж.К. Гэлбрайт [15, р. 183], утверждал, что "классический предприниматель (собственник)... - фигура, постепенно исчезающая в индустриальной системе". Наши данные требуют несколько обновить его тезис. Падение коммунизма реально скорректировало предсказания Гэлбрайта, показав, что в 1990-е гг. не было "кумулятивного развития новых технологий, бюрократизации предприятий и роста спроса на сферу услуг", что вызвало бы рост значения профессиональных экспертов и менеджеров за счет простого, малоквалифицированного труда. Динамика профессиональных перемен в Польше не подтвердила модель модернизации в этом плане. Позитивный признак - относительный рост нетехнической интеллигенции, отражение, можно считать, новых профессий: маркетинг, банки, страхование, реклама, консалтинг, финансы.

Межпоколенная мобильность и наследование

В статье Д. Треймана "Индустриализация и социальная стратификация" [39] приведен полный список аргументов в пользу уменьшения роли назначаемых (ascription) факторов и роста роли индивидуальных достижений в определении социального статуса. В общем, оба предсказания связаны с функциональными требованиями современных экономик. Социальное происхождение не может заметно влиять на вхождение в профессию, так как это противоречит спросу на квалифицированный персонал. Трейман привел причины, по которым назначение на профессиональный пост должно базироваться на критерии формальных заслуг. Главный смысл его аргументов: модели стратификации в современных обществах организованы вокруг правила достижений и заслуг с тенденцией размыва барьеров наследования и подвижек в социальном пространстве (таблица 2 - мужчины, таблица 3 - женщины).

Гипотезы Треймана последние тридцать лет служат отправной точкой эмпирического анализа мобильности. Я также взял их за основу анализа межпоколенной мобильности в Польше. Таблицы 2 и 3 по отдельным категориям показывают, куда движутся индивиды: сколько из них оказались среди интеллигенции в 1987 и 1998-99 гг., среди низших работников нефизического труда, собственников, работников физического труда и в сельскохозяйственной страте. Я свел 14 социо-профессиональных категорий из Таблицы 1 в шесть широких сегментов - в статистических целях, чтобы обеспечить валидность представительства ячеек в таблицах. Процент сыновей/дочерей, остающихся в категории отцов, - информация о силе "наследования", а коэффициент выхода вне главной диагонали показывает мобильность. Легко увидеть, чем профессиональная структура женщин отлична от мужской. Женщины сверхпредставлены в категории низших работников нефизического труда, профессии квалифицированных рабочих заняты мужчинами. Это иллюстрация известного факта, что женщины и мужчины находятся в разных профессиональных структурах, которые не могут не влиять на разные модели межпоколенной мобильности.

Каких перемен следует ждать? Если магистральный путь модернизации - действительно численный рост группы менеджеров и профессионалов, польская интеллигенция должна была столкнуться с более высоким притоком из крестьян и рабочего класса в 1990-е годы. В то же время переход к рыночной экономике должен породить большую мобильность собственников.

Сравнение моделей мобильности говорит, что падение коммунизма не перекроило сколько-нибудь значительно карту межпоколенных сдвигов. Интеллигенция не столкнулась с притоком из низших страт. Более того, коэффициент выхода в интеллигенцию значительно ниже в сравнении с "унаследованным" членством в этой группе. Сыновья и дочери собственников скорее двигались в интеллигенцию несколько чаще в 90-е годы. В 1998-99 гг. 16,1% мужчин, выходцев из частного бизнеса, перешли в категорию менеджеров и интеллигенции, в то время как в 1987 г. этот процент был лишь 4.

Важно, что росло также межпоколенное движение в обратном направлении. Таблица 2 показывает, что в 1998-1999 гг. 17,5% мужчин, выходцев из интеллигенции, оказались в категории собственников. По выходам из работников неручного труда доля была 12,7%, хотя в 1987 г. эти доли составляли соответственно 5 и 4,9%. Растущие уровни выхода, возможно, действительно говорят о том, что модели межпоколенных движений "адекватно" реагировали на нужды формирования класса капиталистов. Однако уровни мобильности, обобщенно указывая уровень межпоколенных переходов, пережили и некоторый спад. В 1987 г. процент мужчин в иных профессиональных стратах, чем их отцы, был 40,2%. К 1998-99 гг. он упал до 38,3%. Для женщин, соответственно, эти показатели остались более "подвержены" влиянию наследования.

В целом, большинство людей не сменили членство в социoproфессиональных группах. Означает ли это стабильную классовую структуру, устойчивую к переменам?

Межпоколенная мобильность мужчин в Польше.
Процент перехода из категории отца в категорию сына в 1987 и 1998-1999 гг.
(числитель -1987 г.; знаменатель -1998-1999 гг.)

Профессиональные категории отца	Профессиональная категория сына в 1987 и 1998-1999 гг.						Всего
	1	2	3	4	5	6	
Менеджеры и интеллигенция	<u>38,3</u>	<u>22,5</u>	<u>5,0</u>	<u>25,0</u>	<u>3,3</u>	<u>5,8</u>	100
	39,0	18,6	18,6	16,9	5,1	1,7	
Другие работники не ручного труда	<u>20,3</u>	<u>29,2</u>	<u>4,9</u>	<u>36,4</u>	<u>3,6</u>	<u>5,6</u>	100
	13,0	21,3	14,8	45,8	3,7	1,9	
Собственники	<u>16,1</u>	<u>17,0</u>	<u>1,2</u>	<u>35,7</u>	<u>6,3</u>	<u>9,8</u>	100
	3,3	13,3	23,3	50,0	3,3	6,7	
Квалифицированные рабочие	<u>7,8</u>	<u>17,0</u>	<u>4,5</u>	<u>61,1</u>	<u>5,6</u>	<u>4,1</u>	100
	5,2	20,1	7,6	59,5	5,3	1,8	
Неквалифицированные рабочие	<u>6,9</u>	<u>16,7</u>	<u>3,7</u>	<u>49,4</u>	<u>14,7</u>	<u>8,6</u>	100
	1,6	7,8	7,8	54,7	23,4	4,7	
Фермеры и сельхозработчие	<u>4,3</u>	<u>10,0</u>	<u>3,1</u>	<u>36,3</u>	<u>7,7</u>	<u>38,7</u>	100
	6,1	1,2	9,0	39,6	9,0	25,2	
ИТОГО	<u>9,6</u>	<u>15,8</u>	<u>4,4</u>	<u>43,7</u>	<u>7,0</u>	<u>19,5</u>	100
	8,4	16,1	10,3	47,8	7,7	9,7	

Таблица 3

Межпоколенная мобильность женщин в Польше.
Процент перехода из категории отца в категорию дочери в 1987 и 1998-1999 гг.
(числитель -1987 г.; знаменатель -1998-1999 гг.)

Профессиональные категории отца	Профессиональная категория дочери в 1987 и 1998-99 гг.						Всего
	1	2	3	4	5	6	
Менеджеры и интеллигенция	<u>17,9</u>	<u>60,9</u>	<u>4,6</u>	<u>5,3</u>	<u>7,9</u>	<u>3,3</u>	100
	27,8	55,7	6,3	3,8	2,5	3,8	
Другие работники не ручного труда	<u>11,9</u>	<u>66,4</u>	<u>2,0</u>	<u>7,5</u>	<u>9,9</u>	<u>2,3</u>	100
	14,5	54,1	9,4	5,0	13,2	3,8	
Собственники	<u>5,6</u>	<u>51,6</u>	<u>4,0</u>	<u>8,9</u>	<u>16,5</u>	<u>11,3</u>	100
	12,0	45,8	4,8	10,8	18,1	8,4	
Квалифицированные рабочие	<u>4,3</u>	<u>54,5</u>	<u>1,8</u>	<u>15,6</u>	<u>16,8</u>	<u>7,0</u>	100
	5,3	52,2	4,8	13,9	20,5	3,3	
Неквалифицированные рабочие	<u>2,9</u>	<u>40,4</u>	<u>1,1</u>	<u>18,1</u>	<u>29,2</u>	<u>8,3</u>	100
	2,1	37,9	1,1	15,8	32,6	10,5	
Фермеры и сельхозработчие	<u>1,6</u>	<u>29,8</u>	<u>0,9</u>	<u>8,3</u>	<u>20,3</u>	<u>39,1</u>	100
	1,7	29,6	3,4	12,4	18,7	34,2	
ИТОГО	<u>4,8</u>	<u>44,7</u>	<u>1,6</u>	<u>11,0</u>	<u>18,2</u>	<u>19,7</u>	100
	6,7	42,8	4,7	11,6	18,6	15,7	

Это было бы слишком простым заключением. Вначале одно методологическое замечание. Уровни мобильности весьма зависят от ряда категорий, употребляемых в двойной категоризации межпоколенных переходов. Больше число категорий дало бы более высокие уровни мобильности. Поэтому не следует поддаваться впечатлению о преобладании наследования над уровнем мобильности в Польше. Больше, чем общий объем мобильности, значимо направление перемен. Если высокая мобильность позитивно влияет на экономику, стабильность социальной системы и в глазах общественности считается "справедливой", снижение уровня мобильности в 1990-е годы может стать хорошей причиной для беспокойства. Однако, во-первых, спад не столь силен. Во-вторых, мы анализируем данные с близкого временного расстояния. Возможно, что колебания во времени по нисходящей шли только в конце 90-х, и в последующие годы дело поправится. Все эмпирические данные показали, что стабильные изменения межпоколенной мобильности обнаруживаются с расстояния нескольких десятилетий [см.: 18,27].

Еще важнее один исторический аргумент. Конечно, мобильность несколько ниже. Но это разочарует только тех, кто связывал падение коммунистической системы с открытием социальной структуры в целом - вопреки межпоколенным барьерам. Напомним, что навязывание коммунистической системы шло под лозунгом искоренения незаслуженных привилегий по рождению, демократизации и прогресса. При коммунистах не было места высшим классам. Быстрая индустриализация и массовый рост образования в 1950-е гг. открыли рабочему классу и крестьянам путь восходящей мобильности. По международным компаративным исследованиям профессиональный статус менее зависел от происхождения отца в коммунистической Польше, чем в США [26]. Халлер и Мах [16] пришли к тому же заключению, сравнив межпоколенную мобильность в Австрии и Польше во времена, когда не было надежд на падение власти коммунистов. Это не опровергает разумности капиталистического рынка, который лучше содействует отбору способных и инновативных индивидов. Но и социальные барьеры, созданные капитализмом, не стали сколько-нибудь менее жесткими.

Третья оговорка - мобильность карьеры. Напомним, что снижение межпоколенной мобильности сопровождалось некоторым ростом мобильности во время профессиональной карьеры, связанной с межпоколенной мобильностью. Повременный анализ показал рост процента мужчин, сменивших профессиональную категорию в период своей карьеры, с 9,7% в 1983-88 гг. до 20% в 1988-1994 [12]. Нельзя утверждать, что модели мобильности не реагируют на смену системы. Тем не менее межпоколенный механизм передачи статуса не разрушен.

Социальное происхождение и уровень образования

Стабильная мобильность может отражать закрытость социальных барьеров. Такое заключение было бы неверно, поскольку оно не говорит ничего о канале образовательной мобильности, не менее важном индикаторе открытости социальных структур. Привлекательную гипотезу о якобы происшедшем закрытии следует рассматривать с позиций меритократии. Правила меритократии говорят о вознаграждении индивидов за способности, усилия, личные инвестиции и умения, в эмпирических исследованиях обычно определяемые уровнем образования. Конечно, сила влияния социального происхождения на достижения в образовании - одна из главных преград для меритократического отбора. Памятуя об этой модели, выдвинем два вопроса: сколько сильно социальное происхождение влияет на достижения в образовании? Изменилось ли это влияние в 1990-е годы?

Что касается динамики распределения образования, в 1990-е годы стабильно росла группа лиц с высшим образованием. В 1987-1999 гг. их доля в населении (в возрасте от 21 до 65 лет) выросла с 8,1 до 10,5%. За то же время категория выпускников начальных школ уменьшалась. Установим, привел ли сдвиг вверх в образовательной структуре к сокращению неравенства в образовании.

Социальное происхождение все меньше влияло на доступ к начальному образованию. Процент индивидов, родившихся в семьях крестьян, упал с 52,9% (1987) до 40,6 (1998-99). Имевшие отцов из неквалифицированных рабочих сократились с 37,8 до 27,4%. Интеллигенция осталась внизу. Лишь у меньшинства этой категории начальная школа - конечная точка образовательной карьеры. Дифференциация доступа к среднему образованию на этом этапе была выше в 1990-х у большинства категорий, иллюстрируя восходящие подвиги в структурах образования. Именно сыновья и дочери работников не ручного труда в 1990-е гг. завершали образование на данном уровне в наибольших количествах. За ними шли собственники и неквалифицированные работники; интеллигенция на четвертом месте. Среднее образование явно становится более всеобщим. Это говорит о его "инфляции" и возможном падении его рыночной цены и престижа.

Таблица 4

Коэффициенты канонических корреляций профессиональных категорий отцов с образованием в Польше*

Годы	Всего	Мужчины	Женщины
1987	0,43	0,44	0,42
1994-1995	0,40	0,42	0,39
1998-1999	0,45	0,44	0,45

* Коэффициенты канонических корреляций по первой переменной установлены с контролем влияния пола и возраста.

Динамика доступа к высшему образованию - драматический контраст с описанными моделями. Неравенства выросли. Лица с отцами из интеллигенции оказались единственными победителями в гонке за образовательный капитал в 1990-е годы. В 1987 г. процент выходцев из интеллигенции был 32,3%. "Передаточная сила" категории работников нефизического труда составляла 18,6%. За 1990-е годы последние отстали от детей интеллигентов еще больше. В 1998-99 гг. шансы доступа к высшему образованию у выходцев из интеллигенции и работников не ручного труда составляли 51,4/17,2. Трудно не видеть явного роста разрыва.

Как бы ни интерпретировать эти данные, растущий разрыв говорит о росте ценности университетского диплома. Не удивительно, что роль образовательного уровня большее всего ценит интеллигенция. Во-первых, интеллигенты могут позволить себе оплату растущей стоимости образования: в 1990-е годы экономическое положение интеллигенции значительно улучшилось в сравнении с другими социально-профессиональными стратами. Помимо чисто материальных причин, интеллигенция всегда сильнее ориентировалась на вклады в образовательный капитал, считая его статусной предпосылкой, которую нельзя игнорировать. У интеллигенции не было альтернативы, - в отличие от рабочего класса или крестьян, которые прагматично принимают свое нижнее социальное положение, поскольку немного теряют, не получив более высокого образования.

Ключ - в общей динамике образовательных неравенств в Польше. С одной стороны, перед нами несколько сокращающийся разрыв между категориями социального происхождения в начальном и среднем образовании. С другой, - интеллигенция заметно выиграла в доступе к высшему образованию по сравнению с другими социально-профессиональными стратами. Вопрос в том, какая из противоположных тенденций превалирует? Вероятно, ни одна. Образовательные неравенства стабильны во времени (Таблица 4).

Представленные в таблице 4 данные - попытка дать обобщенный ответ на этот ключевой вопрос. Канонические коэффициенты⁶ показывают влияние социального

⁶ Коэффициент канонической корреляции - обобщение парной корреляции, используемое для определения взаимосвязи между двумя группами признаков.

происхождения (определенного по шести уровням образования отцов) на достижения в образовании (начальное, среднее профессиональное, среднее, незаконченное высшее и высшее образование). Я сравниваю добавляющую силу социального происхождения по всему населению, и отдельно по мужчинам и женщинам¹.

Из этих данных следует, что глубокие системные перемены не ослабили механизмов межпоколенных передач социального статуса. Корреляция между образовательным уровнем и профессиональным статусом отца выросла с 0,43 в 1987 до 0,45 в 1998-99. Социальное происхождение еще сильнее влияет на образовательные достижения. 0,45 это много или мало? Лучше спросим, насколько эти корреляции отвечают моделям, обнаруженным прежними исследованиями? По данным национальной выборки 1981 г. каноническая корреляция между образованием и занятостью отца достигала 0,39 [32, s. 19], показывая, что стабильность образовательных неравенств, отраженная в наших данных, не отклоняется от долгосрочных трендов. Конечно, это не значит, что они перестали быть минным полем, источником социальных напряжений, как показано в [27]. "Взрывным" остался вопрос: справедлива ли передача льгот и депривации из поколения в поколение?

Соотношение профессиональной позиции и образования

Образование открывает доступ на рынок труда. Самое главное для позиции индивида в социальном пространстве - профессиональные роли. Их можно рассматривать как распределительные каналы, в которые входят индивиды с равными ресурсами, чтобы взамен получить такие вознаграждения как доход, социальный престиж, власть, иные ценности, создающие систему стратификации. В этом случае распределительная сила образования (нетто результат социального происхождения) также говорит о весе меритократии, идентичной рациональности капиталистического рынка труда.

Попытаемся определить, выросла ли в Польше сила этого ключевого звена. В 1990-е гг. ценность образования могла вырасти. Образованию отдан приоритет в жизненных планах индивидов. По данным эмпирических исследований молодые люди все чаще приспосабливают планы учебы к будущей профессиональной деятельности. В 1999 г. 44,9% лиц по общенациональной выборке молодежи считали образование ценным вкладом в будущее, средством получения хорошей работы. Много реже - в сравнении с мнением опрошенной в 1998 г. молодежи - они мотивировали поступление в университет желанием продлить молодость и чаще - ожидаемой рыночной ценностью диплома. По мнению родителей, данные общенациональной выборки чаще всего указывали на образование (76%) и высокую профессиональную квалификацию (57%) как предпосылки успеха. Вопрос формулировался так: Думая о будущем Ваших детей, что, по Вашему мнению, обеспечит им успех? [см. 29].

Хотя ожидания людей основаны на рациональных расчетах, это не значит, что передаточная сила образования сейчас стала больше. Коммунистический строй был отмечен особыми механизмами рынка труда, не допуская свободы личного действия. Помимо номенклатурных позиций, находившихся под политическим контролем, система образования распределяла людей по определенным траекториям профессиональных карьер. Конечно, такая стратегия никогда не несет полный успех, тем не менее, она укрепила связь образования с профессиональной позицией. Результаты опросов показывали, что образовательные достижения сильнее влияли на профессиональные карьеры в коммунистической Польше, чем в капиталистических странах [28, 16, 35].

Ослабила или усилила демократическая система с ее меньшими командными амбициями распределительную силу образования? Показатели динамики этой силы в профессиональной структуре с 1987 по 1998-99 гг. - внушительное свидетельство преемственности на протяжении двух последних десятилетий. Образовательные пути в профессиональные сегменты оставались по сути одинаковыми. Траектории профессиональных карьер выпускников начальных школ показывают, что начальное

образование в большей части направляет людей на позиции сельского хозяйства. Фермеры и сельхозработчие - основной резервуар этой образовательной категории на рынке труда. Процент фермеров и сельхозработчих среди людей с начальным образованием достиг в 1998-99 гг. 35,5%. Следующий крупный тип карьер после начального образования - квалифицированные и неквалифицированные рабочие (25,5%). Интеллигенция - на дне, явно будучи недопредставленной на этом уровне. Из 5854 респондентов в 1987 г. был лишь один представитель интеллигенции, а в 1998-99 — пять из 2127, что может свидетельствовать об исключениях, подтвердивших правило. Интеллигенция не может без меритократии.

Динамика распределительной силы среднего образования такова. Большинство завершивших образование на этом уровне не ожидает большее, чем низшие посты работников нефизического труда: клерки, учителя начальных школ, медсестры, счетоводы, техники разного рода. В 1987 г. такие работники были явно сверх-представлены среди выпускников средних школ, дав 64,2% работников нефизического труда. В 1998-99 этот процент упал до 58,7%.

Мы подошли к важному вопросу: какой уровень образования открывает путь к профессиональным ролям интеллигенции? Распределительную силу полного и неполного высшего образования характеризует то, что лишь завершение высшего образования обеспечивает людям реальные результаты. В 1987 г. процент представителей интеллигенции среди лиц с университетским дипломом составлял 61,3, а среди лиц с незаконченным высшим образованием - лишь 13. По-видимому, в 1990-е годы распределительная сила высшего образования слегка ослабла. Процент интеллигентов, выходцев с этого уровня образования, упал до 51%. В то же время число обладателей интеллигентских позиций, не завершивших университетское (или равное ему) образование, выросло до 19,7%.

Это позволяет сформулировать три важных вывода. Вероятно, диплом о высшем образовании остается самым эффективным путем вступления в менеджерские позиции и позиции профессионалов. Тем не менее, он не гарантирует доступа в эти категории. В 1998-99 гг. шансы вступить/не вступить (в эту группу) были почти равны, если 49% лиц с университетскими дипломами - вне профессий интеллигентов. Большинство из них (35,5%) "локализовали" себя среди работников нефизического труда, 11% стали собственниками. Что касается квалифицированных и неквалифицированных рабочих, выпускники университетов дали лишь 1,6 и 0,4%. Еще красноречивее отсутствие фермеров и сельхозработчих на этом уровне образования.

Таблица 5

Коэффициенты канонических корреляций образовательных и профессиональных категорий в Польше

Годы	Всего
1987	0,79
1994-1995	0,76
1998-1999	0,74

Третий момент касается тенденции утраты распределительной силы университета для доступа к профессиональным интеллигентским ролям. Важен вопрос: отражает ли эта тенденция некий упадок всего значения образования для направления индивидов в профессиональные категории за 1987-1999 гг. Данные таблицы 5 - первичная проверка вопроса. Так, при анализе межпоколенной передачи профессионального статуса я ссылаясь на коэффициенты канонических корреляций. Они показывают, сколь сильна образовательная группа (определяемая по делению на начальное, среднее профессиональное, среднее, незаконченное высшее и полное высшее образование). Дифференцированный доступ к 6 профессиональным позициям оставался, в сущности, тем же, а корреляция снижалась незначительно" (таблица 5).

Проверка этих данных показывает, что распределительная сила образования остается в принципе той же, так как корреляция снижалась незначительно. Можно заключить, что, поскольку речь идет о доступе к профессиональным позициям, капиталистический рынок не более значим, чем логика командной экономики.

Распределение доходов

От барьеров мобильности как базы социальной структуры перейдем к неравенству доходов, более подверженных влиянию внезапных перемен в сравнении с моделями мобильности и неравенства образования. Периоды быстрого экономического роста сопровождаются ростом неравенства в доходах. Эта связь показана С. Кузнецом [24] в виде перевернутой английской буквы U. Используя статистику разных стран с разными уровнями экономического развития, он показал, что на ранних стадиях ускорения экономического роста рост неравенств доходов усиливается, на более зрелых стадиях неравенства выравниваются, затем начинают уменьшаться.

В Польше гипотеза Кузнецца подтверждена частично. В 1990-е годы в польском обществе наблюдался стабильный отход от плоского очертания дифференциации доходов, навязанной принципами экономики и идеологическими доктринами коммунистов. Социологические исследования моделей потребления указывают на рост дифференциации материальных условий жизни [33]. Но самое важное для социологии - кристаллизация стратификационной системы. Общий рост социальных неравенств сопровождался ростом консистентности ключевых атрибутов социального статуса: образование, профессиональная позиция и заработки [11]. С точки зрения феномена декомпозиции социального статуса, считавшегося спецификой социальной стратификации при коммунистическом строе, процессы кристаллизации можно описать как "рекомпозиция" социального статуса. Первые ее признаки проявились в начале 1990-х [10]. При явной регулярности этого процесса в последующие годы можно предполагать, когда он прекратится, ослабевет, или, может быть, повернет вспять.

Обратимся к анализу, памятуя, что если какие-то переломы в стратификационной системе и произошли, то в механизмах распределения доходов. Следует определиться по двум основным вопросам. Первый касается меритократии. Мы продолжаем выявлять, что важнее: "заслуги" - индикаторы здесь уровни образования, - или механизм не меритократический по природе, находящиеся вне контроля человека.

Второй интересный вопрос касается столкновения прежних критериев вознаграждения и новых. Яркими символами сохранения распределительных правил, наследованных от прежней системы, было бы выраженное значение деления доходов по отраслям промышленности. Исследования 1970-х гг. в Польской Народной Республике показали, что при командной экономике отрасль промышленности весьма сильно детерминирует доходы [30, 9]. Помня эту модель, можно считать сохранение такой связи в 1990-е гг. индикатором значимости остатков "старых" механизмов распределения, противоречащих меритократии. Конечно, не только на счет реликтов прежней системы можно отнести деление по отраслям промышленности. Прекрасно известно, что в капиталистических странах многие формы сегментации рынка коренятся в структуре промышленности [19]. Тем не менее, возможно, эта отрасль будет весить меньше и меньше при переходе к капиталистическому рынку, который большее значение придает вознаграждению индивидов за образование и навыки (таблица 6).

Данные таблицы 6 проливают свет на механизм распределения доходов с 1982 по конец 90-х. Я привожу результаты множественной регрессии индивидуальных месячных доходов по профессиональной позиции отца, полу, возрасту, размеру места проживания, работе в определенной отрасли, сектору экономики, контролирующей позиции, сроку обучения и профессиональной позиции. Последние две переменные взяты вместе, так как они весьма связаны друг с другом и нет смысла делить их влияние¹. Модели распределения доходов быстрее реагировали на системную трансформацию, чем межпоколенные модели и образовательные неравенства - два по-

Получастные корреляции в регрессии индивидуальных доходов

Независимые переменные	1982	1987	1992	1995	1998
Профессия отца, статус	0,4	0,1	0,6	1,1	0,8
Пол (1 -муж)	10,3	9,8	3,9	4,9	4,1
Возраст (в годах)	0,1*	0,1 ns**	0,4	1,1	0,9 ns**
Годы обучения и профессиональный статус	1,7	4,6	6,5	12,7	8,5
Контролирующие позиции (1-контроль)	0,9	1,1	0,8	4,0	4,2
Размер места проживания	0,0 1*	0,6	0,8	1,5	3,3
Сектор экономики (1 -контроль)	0,5	2,0	7,7	0,5	0,8
Промышленность	3,9	5,2	3,9	4,2	2,5
R ²	33,0	37,0	41,0	42,0	37,0
N	2412	4303	784	727	583

* $p < 0,05$; n - не значимы для $p > 0,01$. Все остальные величины значимы для $p < 0,01$.

** non significant - не значимы. Величины частичных коэффициентов умножены на 100 для ясности. Они относятся к процентам вариации в переменных доходах, отраженных независимыми переменными.

следних фактора здесь наиболее фундаментальны. Укажу 6 основных аспектов перемен.

1. Наиболее ясен и неоспорим рост образования и профессиональной позиции. Он впечатляет. В конце 90-х образовательно-профессиональный синдром господствовал над остальными результатами.

2. В обратном направлении влиял пол. Средние заработки женщин всегда много ниже мужских. Интересны данные об относительно лучшей финансовой позиции женщин. В 1990-е годы влияние пола на доход упало, означая сокращение разрыва доходов между женщинами и мужчинами.

3. Место работы отца остается важной детерминантой заработка, хотя и значит явно меньше, чем меритократические детерминанты распределения.

4. Вторая половина 1990-х показывает явно более высокие нетто значения контролирующей (руководящей) позиции. Она приносит больший доход в сравнении с 1980-ми, хотя проявляясь с запозданием в несколько лет.

5. В отношении влияния отрасли промышленности при переходе к конкурентной экономике ожидалось ее относительное уменьшение. Однако интерпретация этой динамики неоднозначна, поскольку за весь период наблюдаются странные колебания.

6. В ином свете предстает место проживания. Похоже, что в густо населенных местностях люди имеют все больше нетто финансовых выгод.

В общих чертах известно, сколько кто выиграл или потерял. Подробнее конфигурацию этих последствий представляет таблица 7, включающая меритократические коэффициенты множественной регрессии. Они показывают, как индивидуальные переменные преобразовывались в доходы в 1982-1998 гг. Отмечу, что доходы (зависимая переменная) преобразованы в логарифмическую форму, что облегчило сравнение нетто прибылей/потерь во времени - независимо от курса золотого. Влияние переменных на совокупные доходы интерпретировано в терминах роста или уменьшения процентов [см.: 37]. Профессиональная позиция не включена в эту модель из-за ее сильной корреляции с уровнем образования. Эти две переменные связали бы нетто действие друг друга на доходы. При выборе переменной я взял образование как более значимый индикатор "заслуг" (таблица 7).

Может вновь броситься в глаза растущая роль уровня образования. Ее связи с доходами определялись по набору кодированного эффекта категорий 0-1. Положитель-

Множественный регрессионный анализ дохода от основной работы. Метрические коэффициенты

Объяснительные переменные	1982	1987	1992	1995	1998
Профессиональная категория отцов					
Менеджеры, интеллигенция	,02	,07	,06	,07	,05
Другие работники не ручного труда	,03	-,05	,02	,02	-,03
Собственники	-,08*	-,02	,03	,03	,06
Квалифицированные рабочие	,05**	,01	-,11**	-,05	-,04
Неквалифицированные рабочие	-,02	-,02	-,06	-,09	,11
Фермеры, работники ферм	-,09	,05	-,06	-,07	-,07
Пол (1-муж)	,31**	,35**	,30**	,26**	,28**
Возраст	,01*	0	,007**	,004*	,01*
Образование					
Высшее	,14**	,21**	,36**	,26**	,35**
Незаконченное высшее	-,02	,03	,06	,02	,10
Среднее	-,01	-,05	-,04	,05	,04
Базовое профессиональное	-,01	-,07**	-,16**	-,02**	-,12**
Начальное	-,10**	-,20**	-,22**	-,31**	-,37**
Контролирующие позиции	,14**	,17**	,02**	,03**	,36**
Промышленность					
Шахтеры	,36**	,47**	,47**	,39**	,19**
Тяжелая промышленность	-,01	,01	,05	-,11*	,06
Другие производства	-,02	-,06**	-,06	,02	-,01
Строительство	-,04	-,08**	,04	,06	,01
Сельское хозяйство	-,03	,03	-,38**	-,15**	-,25**
Транспорт	-,07**	-,05	,02	-,04	,07
Торговля	-,05	-,09**	-,07	-,08	-,05
Муниципальное обслуживание	-,03	-,12**	-,12*	-,18**	,07
Социальное обслуживание	-,05**	-,10**	-,06	,04	-,12*
Администрация	-,04	,16**	,11	,05	,08
Сектор экономики (1-частный)	,15**	,31**	,10*	,35**	,14**
Размер места проживания	,01*	,03**	,0002**	,0002**	,0002**
Константа	4,09	5,20	7,84	6,99	6,21
R ²	,33	,37	,41	,42	,37

**p < 0,01; * p < 0,05.

ные значения показывают нетто выгоды данного уровня образования, а отрицательные - размер потерь относительно средних величин взятой выборки. Можно сделать два важных вывода.

Высшее образование - первый вывод - всегда приносило относительно больший доход, чем завершение обучения на низших уровнях. Эта модель держится с 1982 г. Отмечу, что в этот год правило вознаграждения за высшее образование было жестко проверено так называемой "малой реформой" экономической системы, проведенной коммунистами. Непредвиденным продуктом той инициативы, начатой через месяц после введения военного положения в Польше, был драматический поворот в иерархии доходов. Первый, единственный раз в истории коммунистической Польши работники физического труда - в среднем - стали получать зарплату выше, чем группы не ручного труда. Выгоды высшего образования в 1982 г. были минимальны. Но логика стратификации преодолела в последующие годы эту преграду.

Второе заключение касается направления перемен. После 1982 г. высшее образование преобразовалось в более высокие заработки. В характерном 1982 г. нетто выигрыш от высшего образования стоял на уровне 16% в сравнении с доходами лиц с незаконченным высшим образованием [14-(,02)]. В 1987 г. этот выигрыш доходил до 18, в 1992 до 28, а в 1998 г. достиг 27%.

Есть еще одно доказательство, что образование со временем дифференцирует доходы все сильнее. 1982 г. принес нетто выигрыш 14% по отношению к средним доходам, а категория выпускников начальных школ потеряла 10%. То есть разрыв между крайними показателями составил 24 процентных пункта. В 1987 г. он вырос до 51, а в 90-е годы пошел еще - без взлетов и падений - до 69 пунктов в 1998 г.

Так как контролируемые позиции отражают опыт и ответственность управленцев, нетто влияние этой переменной на доходы - важный аспект меритократического распределения. Оказывается, выгоднее всего были контролируемые позиции в 1998 г. Нетто прибавка за такую роль (она широка - от мастера до министра) была 37%. Это цена организаторских умений, способности принимать нужные решения, как и все затраты и расходы, вследствие нахождения на этой позиции. Ее рыночная ценность значительно выросла в 1990-е годы, что может отражать логику современных организаций в Польше. Возможно, в перспективе менее болезненным станет повышение (чем сдерживание) доходов руководящего персонала.

Влияние социального происхождения, обобщенно выраженное в частных измерениях, представлено в первом ряду таблицы 6. Эти параметры могут удивить, поскольку (говоря реально) не следует ждать финансовых привилегий, связанных с рождением. Однако влияние налицо. У людей одного возраста, уровня образования, профессионального статуса, работающих в одной отрасли и секторе экономики (не учитывая пол и место проживания) доходы выше благодаря наличию отцов с относительно высокими профессиональными позициями. В свете корреляций, показанных в таблице 6, в 1998 г. нетто выгода от социального происхождения доходила до 0,7%. Конечно, это не столь много, как нетто вес пола или университетского диплома, тем не менее, это статистически значимая величина.

В таблице 7 влияние места работы отца операционализировано в терминах шести грубых переменных, чтобы раскрыть, какие категории занятости отца выгоднее, а какие нет. Можно убедиться, что они создают иерархию хорошо известных очертаний, хотя расстояния между категориями, в общем, малы. Ни в одной из рассмотренных точек времени социальное происхождение не принесло нетто выгоду выше 11% над средней величиной. Точно той же была величина относительных проигрышей. Большинство различий оказались статистически незначимы. Однако нельзя пройти мимо растущей роли происхождения из категорий собственников и интеллигенции. В 1998 г. они дали прибавку в 6-9% - не неожиданно. Это может предвосхищать появление механизмов межпоколенной передачи. Представляется, что после 1992 г. происхождение из семей собственников давало все большую прибавку, в противоположность семьям квалифицированных рабочих. В последнем случае нетто потери доходили в 1998 г. до 5-7%, что указывает на появление межпоколенного барьера экономического успеха.

Важнее происхождения (в плане субъективного восприятия) финансовые выгоды, вытекающие из пола мужчин. В 1998 г. заработки мужчин превышали - в среднем - заработки женщин на 28%. Идентифицированные в терминах нетто выигрыша, преимущества позиций мужчин держались после 1982 г. на уровне 26-35%, хотя они несколько уступили свои преимущества в 90-е годы. Это проливает дополнительный свет на сужение полового разрыва, показанного в таблице 6. Следует помнить, что в таблице 6 включена профессиональная позиция, которая может навести на мысль, что неожиданное улучшение заработков женщин связано с некими благоприятными переменами в структуре занятости. Профессиональная сегрегация по полу относится к основным механизмам, поддерживающим разрыв доходов в разных странах [см.: 31, 20]. Не исключено, что в 90-е годы женщины чаще работали на плохо оплачиваемых работах..

Согласно доминирующей точке зрения крах коммунистической системы был результатом внутренних противоречий между логикой системы и требованиями рациональности [23]. Одна из иррациональностей плановой экономики - централизованное распределение инвестиций и финансовых ресурсов, - направляемых правительством,

министерствами в надлежащие отрасли промышленности и секторы экономики. Создавался специфический тип "командной" сегментации рынка труда с уникальной моделью распределения доходов и прочих благ, основанных на труде [9].

Крах командной экономики не отменил сегментацию индустрии. Основной вопрос: существует ли она в современной Польше еще на старой или - может быть - на какой-то новой основе? Вернемся к частным корреляциям таблицы 6. Они показывают, сколь сильно дифференцировало нахождение в конкретном месте промышленной структуры (определенной по 10 основным отраслям) доходы индивидов в 1982-1998 гг. Представляется, что вторая половина 80-х была золотым веком индустриальной сегментации. В следующем десятилетии влияние отрасли снижалось, сохраняя важность. В суматохе строительства новых структур экономики сегментация на основе промышленного разделения труда осталась важнее в детерминации дохода, чем возраст, позиция отца и сектор экономики (определяемый по разнице между частными и государственными фирмами). Через 9 лет после падения централизованного распределения промышленная сегментация, воплощение бывшего режима, была причиной 2,7% вариативности доходов.

Параметры на таблице 7 позволяют глубже понять структуру такого положения. Сравнивая их, можно получить обзор нетто финансовых выигрышей и потерь. Не было радикальных сдвигов в распределении доходов по отраслям промышленности. Тем не менее, перемены были. Шахты по-прежнему наиболее привилегированны. В командной экономике шахтеры перегнали другие отрасли по заработкам, превышая средние показатели по стране на 36—47% с учетом пола, образования, контролируемых позиций и т.д. Это свидетельствует, что до середины 1990-х годов привилегиям шахтеров ничто не грозило. В 1995 г. этот фактор приносил чистый доход на 39-47% выше среднего. В 1998 г. превышение снизилось до 11%. Стойкость его - весомое доказательство сопротивления однажды консолидированной структуры.

Чистые выигрыши/потери от работы в других отраслях в основном малозначимы. В 1998 г. улучшились позиции государственной службы (управление, муниципальные расходы, правоохранительные органы). 70% чистой выгоды у них это эпизодический поворот судеб, результат совпадения ряда факторов, как и ошибки законодателя, разрешившего дополнительные выплаты управленцам. Замечу, что самыми низкими были заработки служащих социального сектора (наука, образование, культура, здравоохранение) и сельского хозяйства (сельхозработники). В 1998 г. эти категории в массе недоплачивались, были на дне иерархии доходов за счет низкой экономической власти.

Дам краткий комментарий. Эксперты-экономисты считают, что хотя мировые тенденции влияли на экономику Польши, многие остатки бывших структур не устранены. Традиционные бастионы привилегий госсектора еще используют свою переговорную мощь в ущерб эффективности. С одной стороны, угледобыча оплачивается лучше всех; с другой, она страдает от постоянной нехватки денег и долгов в бюджет. Нельзя не заключить, что переговорная сила менеджмента и профсоюзов остается ключевым фактором сохранения прежнего неравенства доходов. Трудно не задуматься о встроенных препятствиях, неискоренимых одним махом. Для политиков это оправдание и частично - облегчение.

Структура промышленности совпадает с секторальными разделами. Труд в частном секторе уже не так привлекателен, как при коммунистах, когда механик частной фирмы зарабатывал больше инженера на государственном заводе. Как только в 1990-е г. в частном секторе закончился беспрецедентный рост, рыночная цена рабочих мест в частных фирмах утратила прежнюю привлекательность. ЦСУ сообщало, что в 1998 г. 70,2% всех занятых жили с труда в частном секторе, а в 1990 г. цифра стояла на 45,1% [26, s. 115]. По нашим данным, после 1982 г. средний доход в частном секторе был стабильно выше, чем в государственном. В 1998 г. там платили на 15% больше с учетом образования, пола и других атрибутов рыночных позиций. Посмотрим теперь, насколько выгодно быть собственником.

Перемены в иерархии доходов

Одна из самых ярких тенденций иерархии доходов - явное улучшение относительных доходов менеджеров и интеллигенции. В первой половине 1990-х они оказались на двух верхних позициях. Собственники опустились вниз [11]. Эти переменные позволяют установить два факта: Продолжало ли улучшаться экономическое положение менеджеров и интеллигенции? Потеряли ли собственники совсем свое привилегированное в последние годы положение?

В 1982 г. респондентам задавался вопрос: "Учитывая первый квартал этого, 1982 года, скажите, пожалуйста, каким был среднемесячный доход вас и всех живущих в вашем домохозяйстве с учетом всех источников дохода? Просим включить все виды дохода от постоянной и временной работы, весь дополнительный доход, например, пенсии по инвалидности и возрасту, стипендии, премии, алименты, дополнительные выплаты, сдача в аренду и т.п. Просим подсчитать среднемесячную величину с вычетом налогов". Такой вопрос задавался в том же виде во всех опросах до 1998 г, на которые я ссылаюсь.

Таблица 8 дает динамику иерархии доходов после 1987 г. Сравниваются лишь относительные значения - средние душевные доходы семей по 14 категориям, разделенные по средним величинам в выборке. Это позволит сосредоточиться на расстояниях между социо-профессиональными стратами, а не на номинальных доходах, которые постоянно росли и не значимы в лонгитюдах. Величины свыше 100 идентифицируют категории, расположенные выше средних величин, а величины ниже 100 указывают на относительные недоплаты (таблица 8).

Кто выиграл и кто проиграл? Смена системы не привела к революции в иерархии доходов. Тем не менее, она выглядела несколько иначе, чем за предыдущие десять лет. Основными выигравшими от перехода оказались менеджеры. В 1998 г. доходы семей менеджеров и общественных и частных фирм были на 123% выше общей средней величины. С 1987 г. эта траектория постоянно шла вверх. Нетехническая интеллигенция на втором месте с доходами, превысившими на 75% средние показатели. Представители этой группы улучшили положение в первой половине 90-х (по меньшей мере, с 1993 г. - по нашим данным), опередив собственников. Что касается собственников, они после краткого периода беспрецедентного взлета на вершину спустились вниз, уступив место интеллигенции. Экономическое положение собственников - стартового механизма рыночной экономики, дважды радикально менялось. Первый раз, в начале 90-х, их положение заметно улучшилось вследствие роста потребительского спроса. На стадии неудовлетворенного спроса, почти все, кто создал свои фирмы, имели успех. Осуществлялось невероятное - успехи пионеров предпринимательства породили много подражателей. Процветание первых лет трансформации подняло собственников на вершину иерархии доходов. В период триумфа (примерно в 1991 г. по нашим данным) доходы семей собственников превысили общие средние величины в 2,68 раз, в то время как эти данные по менеджерам и интеллигенции составили 1,4 и 1,3 раза. Конечно, капитал собственников - лучшие инвестиции, чем профессиональная подготовка и квалификация менеджеров.

Вторая стадия наступила в соответствии с классическим правилом экономического цикла: процветание сменил кризис. Крупные доходы в бизнесе драматически сжались в 1991-93 гг. В 1993 г. доходы собственников были на 44% выше средних, и хотя они поднялись вновь, достигнув 60% над общими средними в 1998 г., славные дни миновали. Можно сказать, что внезапный рост прибыльности бизнеса стал семенем столь же внезапных потерь; потребители насытились и клиентов нечем было завлечь. С ростом числа частных фирм все ниши заполнились, доступ к кредитам стал жестче. Многие собственники начали всерьез думать о свертывании бизнеса и поиске работы в госсекторе.

Сдвиг вниз - следствие роста числа мелких собственников, в основном лавочников, лоточников и уличных торговцев. Низкодоходные "нестационарные" предприниматели

Среднемесячный доход на душу члена семьи, соотношенный с общим итогом (в %)

Социо-профессиональные категории	1987	1991	1993	1995	1998
Менеджеры, высшие чиновники государственного управления	145	130	317	224	223
Нетехническая интеллигенция	145	138	226	187	175
Техническая интеллигенция	123	142	134	141	128
Техники	104	109	101	111	120
Административный персонал среднего уровня	112	108	129	117	118
Клерки	103	102	105	119	109
Собственники	146	268	144	154	160
Занятые в торговле и сфере услуг	98	89	91	97	87
Контролеры ручного труда	100	86	85	81	119
Квалифицированные рабочие	95	85	79	82	92
Неквалифицированные рабочие на производстве	91	72	68	75	76
Неквалифицированные рабочие в секторе услуг	80	76	63	78	75
Сельхозработчие	77	65	58	57	67
Фермеры	88	63	57	63	68
ИТОГО	100	100	100	100	100

тянут вниз средние показатели всей группы. Иначе и не могло быть, зная польский бизнес. По данным о новых предпринимателях, в 1994 г. 22% собственников ранее работали на случайных или неквалифицированных, 28% - на квалифицированных работах. Лишь 7% рекрутированы из интеллигенции и 5 из фермеров и сельских рабочих [см.: 11, с. 41].

Эмпирические данные о *старом среднем классе* - свидетельства того, что в западных странах мелкие собственники были оплотом традиционализма, политического консерватизма, у них не было "духа капитализма" и опоры на собственные ресурсы [1,7]. Это может быть верным и для ситуации в Польше, что помогло бы понять, почему они опустились вниз в иерархии доходов и их обогнала интеллигенция - вопреки стереотипам. Фактически *старый средний класс* Польши шел по стопам западных коллег. В 1990-е годы собственники столкнулись с конкуренцией за капитал и клиентов, как это было с мелкими собственниками в последние десятилетия и в странах Запада. Здесь мелкий собственник страдает от налогов, теряя почву в битве с крупными корпорациями и профсоюзами. Он расположен в лучшем случае в середине иерархии доходов.

Вернувшись в Польшу, мы видим в средней части иерархии доходов три широкие социо-профессиональные страты, а именно - техники, средний административный персонал и клерки. Они составляют не менее 20% всех занятых и стоят ниже интеллигенции в плане престижа, сложности, содержания работы, образовательных требований. В 90-е годы их положение несколько колебалось вверх и вниз, что не привело к заметному изменению контуров стратификации.

У неквалифицированных работников, фермеров и сельхозработчих самые низкие доходы за анализируемый период. В 1990-е годы ситуация ухудшилась. Доходы неквалифицированных и квалифицированных рабочих на производстве были в 1987 г. относительно близки, доходя до 91-95% средних. За следующие несколько лет квалифицированные рабочие несколько уменьшили свои доходы, а неквалифицированные опустились до 76% общей средней величины. Для людей, которым нечего продать,

кроме своей рабочей силы, это был период утраты надежд вследствие жесткой конкуренции и лишения защиты государства. Не удивительно, что традиционное деление рабочего класса на два больших сегмента - квалифицированные и неквалифицированные - вновь ожило.

На дне иерархии доходов сельхозработники и крестьяне. После рабочего класса они вторые по потерям. Экономическая бедность крестьян - плохой знак и для несельского населения. Она оборачивается ростом потребительских цен из-за правительственных субсидий на сельхозпродукцию. Экономисты обычно говорят о так называемой "цене поддержки потребителя", - дополнительные расходы потребителя вследствие субсидий сельскому хозяйству. В Польше этот индекс вырос с 8% в 1991-93 гг. до 21% в 1996-98 гг., в то время как в странах ЕС он снизился с 38 до 25 [22, s. 111]. Единственный положительный момент для польских крестьян - уменьшение их доли в структуре занятости. Как показано в таблице 1, 90-е годы, кажется, были здесь поворотным пунктом.

Заключение

Десять лет перехода к капиталистическому рынку говорят одно: массовая восходящая мобильность, равенство возможностей и ликвидация явных неравенств в материальных условиях не стали символами новой системы. В динамике основные итоги можно суммировать в трех положениях.

1. Межпоколенную мобильность обычно считают обобщенной характеристикой открытости социальной структуры. Наше кросс-временное сравнение показало небольшой спад общей мобильности в 1990-е годы в сравнении с последними годами прежнего режима. Экономика драматически меняла облик, но классовые барьеры сохранились. Очевидно, процессы перехода к капитализму от коммунистической системы, которые при социалистической идеологии представлялись линейными, не ослабили жесткости социальных барьеров, основанных на наследовании. Следовательно, смена системы не дала неожиданных результатов, хотя ситуация подвижна. Может быть, через несколько лет некоторые представленные здесь результаты будут иметь лишь исторический интерес.

2. Образовательные неравенства. Основная идея, на которой построена система образования, - устранение неравенств, связанных с происхождением. Наши ожидания строились на двух фактах. С одной стороны, систематический рост среднего уровня образованности в Польше продолжался, что могло ослабить влияние происхождения. С другой стороны, - сила этого влияния оказалась весьма стабильной во времени. Это показали исследования в Польше и большинстве стран, подтвердили их и 1990-е годы.

Лонгитюдный анализ, приведенный выше, показал сопротивление образовательных неравенств смене систем. Это не успокаивает. Еще хуже, что за неизменной моделью стоит рост преимуществ выходцев из интеллигенции, в сравнении с другими группами, в доступе к высшему образованию. Оказалось, что в 1990-е годы лица интеллигентного происхождения чаще получали диплом о высшем образовании, чем в 1980-е. В то же время процент работников неручного труда, собственников фирм, работников физического труда и сельского хозяйства не изменился. Напомню, что принцип равных возможностей считался символом морального превосходства западных демократий. Во имя равных возможностей капитализм сломал структуры феодализма. Вполне возможно, что в ближайшие годы уровень межпоколенной мобильности вырастет. Однако нужно сознавать, в какой точке мы находимся сейчас.

3. Распределение доходов. Принципы либеральной идеологии говорят, что равные шансы мобильности не исключают сильных неравенств материальных условий. Рациональность капиталистического рынка,двигающая вперед способных, инновативных и образованных индивидов, наиболее обманчива в глазах нижних классов. Слабая связь между образованием и доходами была одной из важных причин низкой эффективности плановой экономики и нанесла вред общему пониманию "справедливой" оплаты труда.

Хотя даже тогда обладатели университетских дипломов в целом получали более высокие доходы, чем выпускники иных уровней образования, это вознаграждение считалось слишком малым в сравнении с "заслугами". Дефицит меритократии обрел тенденцию к преодолению в первые годы системного перехода, когда высшее образование, высший профессиональный статус и контролирующие позиции лучше оплачивались, - значительно лучше, чем в 80-е годы. Продолжение роста этого соотношения представляется неотвратимым. Подъем меритократии при распределении доходов отражен в улучшении экономического положения менеджеров и нетехнической интеллигенции, обогнавших владельцев фирм в иерархии доходов. Поэтому лица с высшим образовательным и профессиональным статусом могут смотреть в будущее со спокойным оптимизмом. В то же время рядовые поляки, подсчитывая потери и обретения, поняли, что кусок хлеба, который они едят, больше зависит от их усилий. Усложняет картину и общий рост изобилия и потребления. По всем данным среднее домохозяйство все лучше оснащается материальными благами - автомобили, автоматические стиральные машины, холодильники и видеокамеры.

Выше представлена общая и беглая картина перемен в социальной стратификации. Смелые теоретические попытки вдохновляют на конструирование новых всеобъемлющих моделей. Эдмунд Внук-Липинский [42] различает три типа социальных перемен: постепенная, радикальная и смешанная. Постепенная переменна - это последовательная замена элементов старого элементами возникающего нового. Радикальная переменна обозначает прорыв, затрагивающий сразу все значимые элементы нового строя. Смешанный тип социальных перемен - внезапная замена ключевых элементов старого порядка, влекущая за собой изменения в менее значимых элементах. Э. Внук-Липинский добавляет еще одно измерение - стихийную смену, по большей части эволюционную. Использование этой теоретической модели для анализа социальной стратификации позволяет заключить, что стратификация в Польше эволюционировала постепенно. По пессимистическим оценкам трансформация системы принесла меньше выигрышей и больше проигрышей. По моему мнению, это преувеличение. Оставляю окончательное суждение читателям.

Перевод Н.В. РОМАНОВСКОГО

ПРИЛОЖЕНИЕ. Об источниках данных

Данные наших исследований получены в ходе опросов (индивидуальных) по общенациональной случайной выборке, среди лиц между 21 и 65 годами. Памятуя о требовании сопоставимости данных, я взял данные по возможности более ранние, начав с 1982 г. Список источников данных таков:

1. *'Жизненные условия и нужды польского общества 1983 г.'*, исследование ноября 1982 г. по случайной выборке домохозяйств, $N = 5317$ [4].
2. *'Социальная структура II'*, ноябрь-декабрь 1987, общенациональная случайная выборка индивидуальных адресов. Окончательная выборка 5884 респондентов [35].
3. *'Всепольское социальное обследование'*. Издания 1992-1995 гг., проведены по национальной случайной выборке по адресам домохозяйств. В 1992 г. это обследование охватило 1647, в 1993 - 1649, в 1994- 1609 и в 1995 г. - 1603 респондентов [5].
4. *'Социальное расслоение в Польше'*. Исследование проведено в мае 1998 г. в рамках фанга Комитета научных исследований Польши (No I NOIF 012 13) под названием 'Как развиваются средние классы в Польше?'. По случайной выборке индивидуальных адресов. Окончательная выборка охватила 5584 респондента [13].
5. *'Как живут поляки?'*. Исследование выполнено группой ученых Польской академии наук по национальной выборке домохозяйств. Итоговая выборка - 1323 интервью [13].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Bechhofer F., Elliot B.* Petty property: The survival of moral economy // *F. Bechhofer, B. Elliot* (eds). *The Petite Bourgeoisie, Comparative Studies of Uneasy Stratum*. NY. 1981, pp. 182-200.
2. *Bechhofer F., Elliot B.* The petite bourgeois in the late capitalism // *Annual Review of Sociology*, 1981, v. II: 181-217.
3. *Bell D.* *Coming of Industrial Society*. NY. 1973.
4. *Beskid L.* (red). *Warunki zycia i potrzeby spoteczenstwa polskiego*. W-wa. 1984.
5. *Cichomski B., P. Morawski.* *Polish General Social Survey. Codebook*. W-wa. 1995.
6. *Cohen.I., P. Cohen.* *Applied Multiple Regression / Correlation Analysis in Behavioral Sciences*. Hillsdale. NJ. 1983.
7. *Curran J., R. Blackburn.* *Path of Enterprise. The Future of Small Business*. L. 1991.
8. *De Graaf P.M., H.B. Ganzeboom.* Family background and educational attainment in the Netherlands for the 1891-1960 Birth Cohorts / *Y. Shavit, H.-P. Blossfeld* (eds.), *Persistent Inequality. Changing educational attainment in thirteen countries*. Boulder. 1993. pp. 75-100.
9. *Domanski H.* Dynamics of the labor market segmentation in Poland 1982-1987 // *Social Forces*, 1990. V. 69, pp. 423-438.
10. *Domanski H.* Recomposition of social stratification in Poland // *Polish Sociological Review*. 1994. V. 4, pp. 335-358.
11. *Domanski H.* Mobilnosc hierarchie stratyfikacyjnej // *H. Domanski, A. Rychard* (eds.), *Elementy nowego fadu*. W-wa. 1997.
12. *Domanski H.* On the Verge of Convergence: Social Stratification in Eastern Europe. Budapest. 2000.
13. *Domanski H., A. Ostrowska, A. Rychard* (eds.). *Jak zyja Polacy?* W-wa. 2000.
14. *Drucker P.* *Postcapitalist Society*. L. 1993.
15. *Galbraith K.* *The Industrial State*. L. 1968.
16. *Holler M., B.W. Mach.* Structural changes and mobility in a capitalist and a socialist society: comparison of men in Austria and Poland / *M. Niessen et al.* (eds.). *International Comparative Research. Social Structures and Public Institutions in Eastern and Western Europe*. Oxford, 1984, pp. 43-103.
17. *Highley J., J. Pakulski.* Elite change and democratic regress in Eastern Europe / *J. Highley et al.* (eds.). *Postcommunist Elites and Democracy in Eastern Europe*. L. 1998, pp. 1-33.
18. *Jones F.L., H. Kojima, G. Marks.* Comparative social fluidity: trends over time in father-to-son-mobility in Japan and Australia, 1965-1985 // *Social Forces*. 1994, v. 72, pp. 775-798.
19. *Kalleberg A., I. Berg.* *Work and Industry: Structures, Markets, and Processes*. NY. 1988.
20. *Kalmijn M., T. Van der Lippe.* Type of schooling and sex differences in earnings in the Netherlands // *European Sociological Review*, 1997. V. 13, pp. 1-17.
21. *Klecka W.R.* *Discriminant Analysis*. L., 1980.
22. *Kofman J., W. Roszkowski.* *Transformacja i postkomunizm*. W-wa. 1999.
23. *Kornai J.* *The Socialist System. The Political Economy of Communism*. Princeton. 1992.
24. *Kuznets S.* *Economic Development, the Family, and Income Distribution*. Cambridge. 1989.
25. *Luijckx R., H. Ganzeboom.* Intergenerational class mobility in the Netherlands between 1970 and 1985 / *W. Jansen, J. Dronkers, K. Verrips* (eds.). *Similar or Different*. Amsterdam. 1989, s. 5-31.
26. *Maty Rocznic Statystyczny*. W-wa. 1999.
27. *Marshall G., A. Swift, S. Roberts.* *Against the Odds. Social Class and Social Justice in Industrial Societies*. Oxford. 1997.
28. *Meyer J.W., N.T. Tuma, K. Zagorski.* Education and occupational mobility: a comparison of Polish and American men // *American Journal of Sociology*. 1979, v. 84, pp. 978-986.
29. *Mtodziez.* Unpublished report from research carried out by SMG/KRC. W-wa. 1998.
30. *Pohoski M., Pontinen S., K. Zagorski.* Social mobility and socio-economic achievement / *E. Allardt, M. Wesolowski* (eds.). *Social Structure and Change. Finland and Poland, Comparative Perspective*. W-wa. 1978, pp. 147-182.
31. *Rosenfeld R.A., A.L. Kalleberg.* A cross-national comparison on gender gap and income // *American Journal of Sociology*, 1990, v. 96, pp. 69-106.
32. *Suwinski Z., M. Stasinska.* Przemiany w oddziaływaniu czynników pochodzenia na dwóch progach selekcji miedzyszkolnej. Zeszyt 42 Zespotu Badan Socjologicznych bad Problemami Oswiaty. W-wa. 1986.
33. *Sikorska I.* *Konsumpcja*. W-wa: Wydawnictwo IFiS PAN. 1998.
34. *Slomczyrski K.M.* Social structure and mobility: Poland, Japan and the United States. W-wa. 1989.
35. *Slomczyrski K.M. et al.* *Struktura spoteczna: shemat teoretyczny i warsztat badawczy*. W-wa. 1989.
36. *Sorokin P.* *Social and Cultural Mobility*. NY. 1959 [1927].
37. *Stolzenberg R.* The measurement and decomposition of causal effects in non-linear and non-additive models / *K. Schuessler* (ed.). *Sociological Methodology*. San Francisco. 1980, pp. 459-488.

38. *Shavil Y., H-P. Blossfeld* (eds.). *Persistent Inequality. Changing educational attainment in thirteen countries.* Boulder. 1993.
39. *Treiman D.J.* *Industrialization and social stratification / E.O. Laumann* (ed.). *Social Stratification: Research and Theory for the 1970s.* Indianapolis. 1970, pp. 207-34.
40. *Treiman D., Kam-Bor Y.* *Educational and occupational attainment in 21 countries / M.X. Kolm* (ed.). *Cross-National Research in Sociology.* Newbury Park, CA. 1989, pp. 373-395.
41. *Wasilewski J.* *Polish posttransitional elite / J. Wasilewski, J. Frenzel-Zagorska* (eds.). *The Second Generation of Democratic Elites in Central and Eastern Europe.* W-wa. 2000, pp. 197-218.
42. *Wnuk-Lipinski E.* *Reforma, rewolucja, restauracja - trzy cechy transformacji postkomunistycznej / A.Jasinska-Kania, K.M. Slomczynski* (eds.). *Wladza i struktura spoleczna.* W-wa. 1999, pp. 19-35.
43. *Young M.* *Rise of Meritocracy.* Harmondsworth. 1958.
44. *Ziolkowski M.* *Pragmatyzacja swiadomosci spoteczerstwa polskiego / M. Ziolkowski.* *Przemiany interesow i wartosci spoleczenstwa polskiego.* Poznan, 2000.

ПРИМЕЧАНИЯ К ТАБЛИЦАМ

- i Коэффициенты канонической корреляции вычислялись путем дискриминантного анализа. Объясняемой переменной здесь были пять уровней образования (законченное высшее образование, незаконченное высшее образование, среднее, среднее специальное, незаконченное среднее и начальное). Объясняющими переменными были 6 групп, взятые как набор бинарных переменных, характеризующих происхождение (интеллигенция - другое, работник не ручного труда - другое, и т.д., где референтной группой, не внесенной в модель, было происхождение из сельскохозяйственных групп). Здесь, как и в других исследованиях, значения коэффициентов даются для первой пары канонических переменных, созданных из смешанных переменных (объясненных и объясняемых). Первая пара максимизирует силу взаимосвязи [См.: 21]. Дискриминантный анализ относится к категории линейных моделей. Поэтому можно говорить об объясняемой переменной, предикторах, коэффициентах регрессии (эквивалентных дискриминантным весам) и степени "предсказуемости" величин объясненной переменной, рассчитанной на базе величин предикторов. Эту информацию дают здесь величины канонических коэффициентов. Используя дискриминантный анализ, мы можем ответить на вопрос о силе, с которой набор независимых переменных (в нашем случае это отцы) дифференцирует величины по группам переменных (категории образования учившихся лиц), используемых как зависимая переменная.
- ii Точнее, влияние образования определено бинарными переменными (высшее, незаконченное высшее, среднее, среднее специальное, начальное и неполное начальное - последнее является референтной категорией). Контрольная переменная: профессия отца, определялась в форме 6 бинарных переменных - см. прим. 1.
- iii В регрессионной модели таблицы 4 объясненная переменная - это логарифм доходов, позволяющий сравнивать метрические коэффициенты (b), полученные по отдельным годам. Метрические коэффициенты представлены в таблице 7 - ниже об этом говорится. Все переменные операционализировались для последующего года тем же образом: возраст - число полных лет жизни респондента. Образование - шкала из 6 категорий, эквивалент числу лет учебы от 4 (незаконченное начальное) до 16 (законченное высшее) лет. Профессиональные позиции отца и респондента измерены по международной шкале престижа профессий, описанной Сломчинским и Кацпровичем. Размер места проживания - восьмипозиционная шкала, показывающая число жителей. Позиция - бинарная переменная, в которой значение 1 дано менеджерам, имеющим контролирующие позиции, и 0 всем, кто не занимает менеджерские позиции. Другие бинарные переменные: пол (мужчинам дано значение 1); сектор экономики, делимый на частный и общественный (респонденты из частного сектора имели 1, другие 0). Сектор экономики определялся серией бинарных переменных, даваемых респондентам на основе информации об их предприятиях. Все работники были разбиты на 10 групп, перечисленных в таблице 7. "Государственное управление" здесь референтная категория. В регрессионной модели на таблице 7 социо-экономическая позиция отца и образование опрошенных лиц были операционализированы в форме ряда бинарных переменных, чтобы показать структуру их отношений с доходами. Позиция отца обозначалась 7 категориями - 6 из них перечислены в таблице 7. Остаточная - референтная категория. Влияние образования описано 6 категориями. Здесь "незаконченное начальное образование" - референтная категория. Переменные сектора экономики, образования, профессиональной позиции отца внесены в модели методом кодирования эффекта [6], что позволяет интерпретировать величины регрессионных коэффициентов как измерение дистанции между средним доходом данной категории и средней по выборке.